

Редкий снимок М. А. Шолохова.

Фото В. РУИКОВИЧА.

«Рукописи не горят». М. Булгаков.

В ИСТОРИИ русской литературы есть рукописи, судьба которых сложилась драматично и волнует до слез. Всем известно со школьной парты, что Александр Пушкин сжег десятую главу стихотворного романа «Евгений Онегин», опасаясь цензуры и царской кары. В ней рассказывалось о революционерах-декабристах. В бумагах поэта нашли текст начальных четверостиший первых шестнадцати строф, причем в зашифрованном виде, а также черновой текст трех строф. Пушкинистами шифр этот разгадан, и теперь мы имеем возможность читать, хотя и в отрывках, с пропусками, семнадцать строф сожженной главы.

По другой причине бросил в топку камин рукопись второго тома «Мертвых душ» Николай Гоголь. И в собраниях его сочинений публикуются лишь чудом уцелевшие отрывки из этого романа. Однако ищут по сей день гоголевские рукописи. «На проблему дальнейших поисков черновиков этого произведения можно смотреть оптимистически», — утверждал московский писатель Василий Осипович, автор одной из ста-

тей о судьбе рукописей «Мертвых душ», скончавшийся вскоре после этой публикации, не успевший осуществить заветную мечту: найти рукопись.

Бросил в огонь первоначальный вариант романа «Мастер и Маргарита» Михаил Булгаков, не раз, как Гоголь, швырявший в печку сочинения, которые ему казались неудачными. Тем не менее именно Булгакову принадлежат ставшие крылатыми слова: «Рукописи не горят...»

Хочу напомнить читателям эпизод из романа «Мастер и Маргарита», где на просьбу Воланда показать ему роман Мастер отвечает:

— Я, к сожалению, не могу этого сделать, потому что я сжег его в печке.

— Простите, не поверю, — заметил Воланд, — этого быть не может. Рукописи не горят. — Он повернулся к Бегемоту и сказал: «Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман».

Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей. Верхний экземпляр кот с поклоном подал Воланду. Маргарита задрожала и закричала, волнуясь до слез:

— Вот она рукопись! Вот она!

Такие счастливые находки так быстро происходят, к сожалению, только в фантастических романах. Требуются годы жизни, долгие, мучительные поиски, чтобы обнаружить утраченный отрывок главы, черновик, даже несколько строк... Однако розыски не прекращаются. Поколения литературоведов, историков, краеведов занимаются поисками исчезнувших автографов, пропавших рукописей, книг, надеясь найти и копию десятой главы «Евгения Онегина», и черновики второго тома «Мертвых душ», и рукописные книги библиотеки Ивана Грозного, некогда хранившиеся в Кремле...

Как видим, писатели нередко уничтожают рукописи.

В ПРОЦЕССЕ работы у Михаила Шолохова скапливались кучи бумаг, поскольку он имел обыкновенные переписывать сочинения по нескольку раз, добиваясь совершенства.

«Черновики не храню ни для себя, ни для истории», — говорил М. А. Шолохов. Из этого признания литературовед П. Бекетин, автор статьи «Судьба рукописей М. А. Шолохова» («Молодая гвардия», № 10, 1983), заключает: «...автор «Тихого Дона»

был недостаточно внимателен к себе — он начисто обделен творческим эгоизмом, корыстью и честолюбиво-рачительной предупредительностью, от чего страдает он сам и его многочисленные исследователи». Из шолоховского признания делает П. Бекетин целый ряд выводов, над которыми, по-видимому, сам писатель, попадись эти «выводы» ему на глаза, посмеялся бы в усы.

Действительно, черновики Михаил Шолохов не особенно хранил, мог выбросить рукописи первоначальных вариантов. Но последний, окончательный, вариант оставался у автора. Иначе и быть не могло, потому что такая рукопись, такой автограф — не черновик, а беловик...

К таким рукописям отношение было совсем иное, во всяком случае, окончательно переписанные главы не выбрасывались и после того, как с них снимались машиннописные копии...

На этом важном уточнении хочется заострить внимание по той причине, что если бы действительно Шолохов не берег рукописей своих сочинений, если бы он действительно их все выбрасывал, рвал, жег и так далее, то тогда бы не было никакого смысла заниматься поисками его рукописного наследия. А поиск этот ведется, и время от времени случаются успехи, то большие, то маленькие.

К числу утраченных рукописей, которые особенно волнуют историков литературы, да и всех читателей русской словесности, относились рукописи первых двух книг «Тихого Дона», написанные автором в двадцать два года, в 1927 году.

Но работа над романом началась раньше. Михаил Шолохов не раз в течение жизни, давая интервью, говорил,

что первоначально засел за роман осенью 1925 года.

Чем дальше продвигалось действие этого романа, образца 1925 года, тем больше возрастали трудности: писатель остро почувствовал, что не с того начал... Наиболее подробно он поведал об этом в 1965 году, будучи в гостях у студентов факультета славистики Упсальского университета (Швеция). Опубликована запись беседы 5 июня 1985 года в «Литературной газете». Цитирую:

«Поначалу, заинтересованный трагической историей русской революции, я обратил внимание на генерала Корнилова. Он возглавлял известный мятеж 1917 года. И по его поручению генерал Крымов шел на Петроград, чтобы свергнуть Временное правительство Керенского. За два или полтора года я написал шесть — восемь печатных листов... Потом я почувствовал: что-то у меня не получается. Читатель, даже русский читатель, по сути дела, не знал, кто такие донские казаки. Была повесть Толстого «Казаки», но она имела сюжетным основанием жизнь терских казаков.

Быт донских казаков резко отличался даже от быта кубанских казаков, не говоря уже про терских, и мне показалось, что надо было начать с описания вот этого семейного уклада жизни донских казаков...

Таким образом я, оставив начатую в 1925 году работу, начал сюжетно с предвоенных лет, с описания семьи Мелеховых, а затем так оно и потянулось...

Потянулось с первой фразы — «Мелеховский двор — на самом краю станицы». Над той первой страницей рукописи еще не нависали слова двух эпиграфов, из старинных казачьих песен, где поется о «батюшке Тихом Доне»...

Первую фразу романа о мелеховском дворе Михаил Шолохов написал на листе, датированном 15 ноября 1926 года. Застопорившаяся было в 1925 году работа после принятия нового решения — начать повествование с описания жизни донских казаков — быстро продвигалась вперед, прерываемая время от времени встречами с участниками недавних событий, поездками в архивы, библиотеки.

Сам Шолохов об этом рассказывал в 1934 году так:

«Работа по сбору материалов для «Тихого Дона» шла по двум линиям: во-первых, собирание воспоминаний, рассказов, фактов, деталей, от живых участников империалистической и гражданской войн, беседы, расспросы, проверки своих замыслов и предположений; во-вторых, кропотливое изучение специальной военной литературы, разборки военных операций, многочисленных мемуаров, ознакомление с зарубежными, даже белогвардейскими источниками».

В общем, это путь обычный для каждого писателя, если он желает создать реалистический роман.

Исследователями творчества писателя установлено, что Шолоховым использованы факты, названия, наименования, цифры, фамилии исторических лиц из разных источников: сборника «Пролетарская революция на Дону», вышедшего в Ростове в 1922 году, книг А. А. Френкеля «Орлы революции», «Русская Вандея», вышедших в Ростове в 1920 году, книги Дана Деллерта «Дон в огне» 1927 года... Использовались выходявшие в те годы мемуары белых генералов Краснова, Лукомского, Деникина, газетные журналы, архивные источники. Но главное взято из самой жизни, из виденного Михаилом Шо-

лоховым, из слышанного от земляков, казаков. «Объяснение беспримерного по глубине историзма шолоховской эпопеи следует искать в биографии писателя», — делает вывод историк С. Семенов в книге «Тихий Дон» — литература и история». С ним нельзя не согласиться.

Идя по следам недавних событий, описывая родной край, Михаил Шолохов, естественно, в первую очередь использовал богатства собственной феноменальной памяти, вобравшей впечатления и переживания детства и юности, памяти, еще не подверженной порче временем.

Память эта позволяла обходиться без записных книжек, держать все необходимое в голове, память эта, по словам очевидцев, позволяла и в пятьдесят пять лет диктовать на машинку целые главы, не заглядывая в текст рукописи, читать наизусть отрывки из «Войны и мира», стихи, собственные сочинения, в частности незаписанные рассказы. Такая память бывает у гениев.

Михаил Шолохов меньше всего нуждается в «бытописательском» материале. Черпать его из чьих-либо произведений, будь то Льва Толстого, Александра Серафимовича, Константина Тренева, тоже писавшего о казаках, или малоизвестного Федора Крюкова, ему не было никакой нужды, потому что впитал он с молоком матери соки Тихого Дона.

Передо мной встал вопрос: кто в Москве, кроме друзей-сверстников, знал о работе над романом в 1926—1927 годах?

Знал ли о работе над «Тихим Доном» Александр Серафимович?

Отношения с Александром Серафимовичем сначала из-за разницы лет и места, занимаемого последним в лите-

Работа над рукописями. — 1991. — Чокм. РУКОПИСИ

«Тихого Дона»

ратуре, складывались, как младшего со старшим, ученика с мастером. Письмо в Москву из Вешенской, направленное в декабре 1926 года в самый разгар работы над романом, начинается словами полуофициальными.

«Уважаемый и дорогой т. Серафимович!

Посылаю Вам книгу моих рассказов «Лазоревая степь». Примите эту памятку от земляка и одного из глубоко и искренне любящих Ваше творчество... Прошу Вас, если можно, напишите мне Ваше мнение о последних моих рассказах: «Чужая кровь», «Семейный человек» и «Лазоревая степь». Ваше мнение для меня особенно дорого и полноценно».

И ни слова о том, что день и ночь работает над «Тихим Доном»!

Проходит два с половиной месяца, 22 февраля 1927 года, не получив ответа от Серафимовича, Михаил Шолохов шлет ему другое письмо, напоминает о посланной книге:

«...Месяца два назад я послал Вам свою книгу «Лазоревая степь». Если найдете время, очень прошу Вас, черкните мне о недостатках и изъянах. А то ведь мне тут в станице не от кого услышать слово обличения, а Ваше слово мне особенно ценно...»

Это пишет уже автор «Тихого Дона»: на его столе тогда уже лежал черновик двух частей романа.

Прошло еще полгода и Михаил Шолохов, полный надежд, привозит в Москву рукопись, заявляясь с ней и друзьям.

— Ну вот, приехал, нагрозил первую часть. А куда девать не знаю. — так описывает в воспоминаниях эпизод появления в Москве в 1927 году Михаила Шолохова редактор «Журнала крестьянской молодежи» писатель Николай Тришин.

Рукопись Государственное издательство отвергло.

— Не проходит! Замахали руками, как черт на ладан: Восхваление казачества. Идеализация казачьего быта. И все в таком роде. Куда еще тащить? — Это еще одна сцена из воспоминаний Николая Тришина.

Тогда-то и попала рукопись в редакцию журнала «Октябрь».

И там она не вызвала восторга. Рукопись предложили намного сократить, членам редколлегии роман показан «бытописательским», без политической остроты. Чтобы решить вопрос окончательно, редколлегия решила дать на заключение рукопись «почетному редактору» Александру Серафимовичу. Вот так еще раз он оказался причастным к судьбе молодого Михаила Шолохова.

Обычно в разных книгах дело изображается так, что Александр Серафимович, прочитав рукопись, распорядился тотчас ее напечатать.

— Эка беда, что номер сверстан! — решительно ответил он возражения. — Что у нас в «номере», напомните... Отрывок из моей «Борьбы»... Снять...

И так далее, в том же духе.

Все происходило не столь просто, ведь Александр Серафимович являлся не главным редактором, а «почетным редактором», не мог отдавать распоряжение, ему приходилось убеждать, советовать.

Гораздо больше правды в записи, сделанной самим Александром Серафимовичем.

«С Лузгиным (заместитель редактора журнала. — Л. К.) сидим в ресторане Дома Герцена, говорим о редакционных делах. Уговариваю печатать Шолохова «Тихий Дон». Упирается».

В конце концов Александр Серафимович настоял на своем. И, как известно, первым том был напечатан в январе — апреле 1928 года в «Октябре», без сокращений. В апреле же появилась в газете «Правда» восторженная рецензия Александра Серафимовича:

«Да, из яйца маленьких недурных, «подающих надежды» рассказов вылупился писатель, особенный, ни на кого не похожий, со своим собственным лицом, таящий огромные возможности».

Спустя менее чем год, пришлось снова Александру Серафимовичу братья за перо и обращаться в «Правду». Вместе с другими писателями, руководителями РАППа — Российской ассоциации пролетарских писателей, он подписывает открытое письмо, защищающее честь автора «Тихого Дона», которого начали обвинять в плагиате.

Кого-кого, а Александра Серафимовича, всякое повидавшего за долгие годы работы в литературе, такой поворот дела не обескуражил. Он хорошо помнил случай из собственной практики. Его первые рассказы, напечатанные в газете «Русское слово», вызвали такую реакцию у одного из приятелей:

«Верно, здорово ты написал. Но зачем ты у Короленко все лунишь?»

— Как?

— Вот у тебя страница, а вот у Короленко, до чего же похоже...»

Русская литература велика, кроме всем известных классиков, прославленных писателей, творят ее сотни и тысячи «второстепенных», малоизвестных и совсем неизвестных литераторов. Всегда, при желании, можно найти между великим и малоизвестным писателем нечто общее, причем не только в темах, сюжетах, но и в назва-

ниях, именах... Кто не знает поэмы Твардовского «Василий Теркин»? Но ведь до него, как выяснилось, существовал в русской литературе другой, никому неизвестный, забытый герой Василий Теркин, неведомый в свое время нашему замечательному поэту.

Не знал и Михаил Шолохов, что до него, за четверть с лишним века на страницах журнала «Русское богатство» печатались очерки Федора Крюкова под названием «На тихом Дону»...

Возникает вопрос: кто же конкретно виновен в том, что появилась и стала гулять по свету клевета? Руководители РАПП были убеждены, что виновны в этом «враги пролетарской диктатуры».

Но современница Михаила Шолохова, одна из самых преданных его друзей, стоявшая у колыбели «Тихого Дона» в те дни, когда готовилось первое книжное издание романа, Евгения Григорьевна Левицкая, выяснила и другое обстоятельство. О ее многолетней дружбе с писателем я подробно рассказал в журнале «Знамя» несколько лет назад. Ей он посвятил рассказ «Судьба человека». Сейчас только приведу отрывок из записок Е. Г. Левицкой. Она работала в издательстве «Московский рабочий» и по долгу службы, и по долгу дружбы, зародившейся тогда, пыталась устранить откуда распространяются злые слухи, чтобы опровергнуть их. И вот выяснилось, что исходит клевета не от какого-то махрового белогвардейца, а от... пролетарского писателя, не являвшимся отнюдь «врагом пролетарской диктатуры». Потирую запись Е. Г. Левицкой:

«Тихий Дон» сперва появился в журнале «Октябрь» 19.IV.28 поместил первый отзыв. Потоки грязной клеветы продолжали изливаться на «Тихий Дон» и его автора.

ханалия клеветы и измышлений по поводу «Тихого Дона» и по адресу автора! С серьезными лицами, танственно понижая голос, люди как будто бы вполне «приличные» писатели, критики — не говоря уж об обывательской публике — передавали «достоверные» истории: «Шолохов, мол, украл рукопись у какого-то белого офицера — мать офицера, по одной версии — приходила в газету «Правда» или в ЦК, или в РАПП — и просила защиты прав ее сына, написавшего такую замечательную книгу... На всех литературных перекрестках чернили и клеветали автора «Тихого Дона». Бедный автор, которому в 1928 г. едва исполнилось 23 года! Сколько нужно было мужества, сколько уверенности в своей силе, и в своем писательском таланте, чтобы стойко переносить все пошлости, все ехидные советы и «дружеские» указания «маститых» писателей. Я однажды добралась до одного такого «маститого» — это оказался Феоктист Березовский, который глубокомысленно изрек: «Я старый писатель, но такой книги, как «Тихий Дон» не мог бы написать... Разве можно поверить, что в 23 года, не имея никакого образования, человек мог написать такую глубокую, такую психологически правдивую книгу... Что-то неладно?»

К нам, в книжную консультацию издательства «Московский рабочий», посылались письма и запросы: кто такой автор «Тихого Дона», сколько ему лет, кто он родом и прочее. Конечно, никто из окружающих Михаила Александровича близких людей не придавал значения всей этой клеветнической шумихе. Серафимович в «Правде» 19.IV.28 поместил первый отзыв. Потоки грязной клеветы продолжали изливаться на «Тихий Дон» и его автора.

Дело дошло до необходимости группы писателей (Серафимович, Фадеев, Ставский и др.) выступить с резким письмом в редакцию, клеймя позором травлю молодого советского писателя.

Чем же объясняется эта писательская травля молодого автора? Когда я вспоминаю то громадное впечатление, которое произвела «Тихий Дон» на широкие массы читателей, мне думается, что всех поразило мастерство, сила, необыкновенная способность показать душу самых различных людей — все то, что зачастую отсутствовало у многих писателей. — Здесь была общечеловеческая зависть, желание унижить, загрязнить чистую радость творчества. Все мои попытки добраться до источника — приводили либо к писателю, либо к издателю.

— Кто такой Березовский? Он мог бы стать таким же другом Шолохова, каким стала Левицкая, но не стал: не хватило мудрости, непредубежденности и многих других качеств, какими была наделена Евгения Григорьевна. А ведь на обложке одного из шолоховских рассказов, вышедшего за несколько лет до «Тихого Дона» в Москве, стоит фамилия редактора: Ф. Березовский.

В черновом наброске к роману «Писатели» Дмитрий Фурманов отметил такой поразивший его факт:

— Хороший рассказ Шолохова из гражданской войны был отвергнут...

Сообщил ему это... Ф. Березовский, «один из первых редакторов Шолохова», так рекомендуют его авторы книги-семинара «Шолохов», составленного в 1955 году литературоведом В. В. Гурой и будущим писателем Федором Абрамовым.

Как видим, было время, когда Ф. Березовский помогал и понимал молодого писателя.

А в 1928 году понимать перестал, более того, стал одним из источников слухов, распространившихся по Москве и далее...

Лев КОЛОДНЫЙ.

[Продолжение следует].